

Меерович Марк Григорьевич

доктор архитектуры, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук,
член-корреспондент Международной академии архитектуры.
Иркутский государственный технический университет,
Иркутск, Россия, e-mail: memark@inbox.ru

СОЮЗ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ СССР. ПРЕДЫСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ

УДК: 72.036

ББК: 85.113(2)

История Союза советских архитекторов СССР – так он изначально именовался – как в капле воды отразила природу системы манипулирования людьми, которую специально сформировала советская власть в рамках командно-административной структуры руководства производственными процессами, в том числе градостроительными и архитектурно-проектными. В статье подробно описываются законодательные и политические особенности деятельности творческих группировок в архитектуре во второй половине 1920-х гг., раскрываются причины принятия высшим руководством страны решения о формировании Союза советских архитекторов, вскрывается партийно-правительственная «механика» принятия и реализации подобных решений, описаны приемы подчинения беспартийных архитекторов влиянию «архитекторов-партийцев», перечислены функции «уполномоченного» Союза архитекторов, его роль в принуждении архитекторов следовать политике, осуществляемой властью, представлен процесс формирования Союза архитекторов как государственного органа «управления творчеством».

Ключевые слова: *Союз советских архитекторов СССР, творческие группировки, устав творческой организации, социалистический реализм, государственное регулирование профессиональной деятельности, контроль над творчеством*

Весна 1932 г. Руководство страной уже третий год осуществляет глобальные государственные программы – индустриализацию и коллективизацию, концентрируя все силы для их воплощения. Народ, даже не подозревая об этом, формирует самый мощный в мире военно-промышленный комплекс – строит фабрики и заводы-гиганты ассимилированного военно-гражданского производства, в глухой тайге рубит лес, на севере добывает золото и редкие металлы, разворачивает новые зоны «хозяйственного» освоения в слабозаселенных регионах страны, возводит возле индустриальных новостроек – первенцев первой пятилетки – барачную селитьбу для размещения необходимых производству все новых и новых трудовых ресурсов [1].

Партия требует сосредоточить на решении этих задач все гуманитарные силы страны. Литература, искусство, музыка, архитектура должны «встать в строй» подразделений советской интеллигенции, призванных осуществлять кардинальные социально-культурные преобразования. Власти нужны сплоченные единой идеологией, проникнутые единым духом, исполнительные, дисциплинированные: писатели, художники, композиторы, скульпторы, зодчие. При чем организованные в творческие коллективы, точно такие же, в какие объединяются рабочие

промышленных новостроек или служащие советских учреждений, потому что именно «трудовой коллектив» является минимальной единицей управления в советской системе власти. Только на «коллектив» власть способна опираться в достижении своих целей – руководить рассредоточенными кадрами исполнителей она не умеет.

Творческие коллективы в стране есть. И в литературе, и в музыке, и в живописи существуют творческие группировки, самостоятельно организовавшиеся 5–7 и даже больше 10 лет назад. Однако они немного «неправильные» – и возникли они сами по себе (а не по команде руководящих органов), и направления своей деятельности определяют самостоятельно (а не на основе директив свыше), и с марксистско-ленинской идеологией у них не все в порядке Частично эти объединения являются воссозданными дореволюционными самостоятельными организациями, а частично – возникшими после революции.

Среди них есть и такие, в состав которых входят архитекторы. Это а) архитектурно-художественные общества с дореволюционным стажем: Московское архитектурное общество, образованное в 1867 г.¹; Ленинградское общество архитекторов (ЛАО), которое является преемником Петербургского общества архитекторов, основанного 27 октября 1870 г.²; Ленинградское общество архитекторов-художников (ОАХ), основанное в Петербурге 15 октября 1903 г. и восстановленное в 1922 г. [2, с. 27]; б) группировки и объединения, возникшие после революции: группа под названием «Коллектив живописно-архитектурного синтеза», сокращенно «Живискульптарх», образовавшаяся во второй половине 1919 г. [3, с. 20–28]; Секция пространственных искусств, появившаяся в результате слияния скульптурной и архитектурной секций, а также секций искусства Российской Академии художественных наук (РАХН) в апреле 1922 г.³; Общество «4 искусства», созданное в 1924–1925 гг.⁴; Всероссийское объединение работников новых видов художественного труда, более известное под названием «Октябрь», возникшее в 1928 г., но организационно окончательно оформившееся лишь в сентябре 1929 г. [5, с. 73–74; 2, с.115]; Архитектурная секция Ассоциации художников революции (АХР)⁵, публично заявившая о себе в обращении, опубликованном в «Известиях» (№70) 27 марта 1926 г.⁶; Архитектурная секция при Профессиональном союзе работников искусства (РАБИС), учрежденная в 1928 г.; Ленинградское объединение изокружков рабочей молодежи (ИЗОРАМ) [2, с.117]; АСНОВА – Ассоциация новых архитекторов организована 23 июля 1923 г. профессорами ВХУТЕМАСа Н. Ладовским, Н. Докучаевым, В. Кринским [2, с. 39]; ОСА – Объединение современных архитекторов, организованное в 1925 г.⁷; АРУ – Объединение архитекторов-урбанистов, образованное в ноябре 1928 г. группой выделившихся из АСНОВА архитекторов под руководством Н. Ладовского [2, с. 123]; ВОПРА – Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов, созданное в 1929 г. [2, с.134]. Из 49 членов общества 20 являлись членами ВКП (б); 5 – членами ВЛКСМ⁸.

Эти творческие объединения и группировки практикуют различные творческие самоопределения, разные стили профессионального мышления, разные, не сводимые к единой, точки зрения на природу архитектурного стиля, на механизмы формообразования архитектурных сооружений и т.п. Казалось бы, одновременное сосуществование альтернативных творческих позиций, заявленных группировками и объединениями, и есть самая благоприятная почва для многообразия профессиональной культуры в целом и, как следствие, всех их власть должна сохранять и поддерживать. На словах партия так и формулирует свою позицию – в постановлении Политбюро ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы» она совершенно определенно фиксирует: «...партия должна высказываться за свободное соревнование различных группировок и течений в данной области. Всякое иное решение вопроса было бы казенно-бюрократическим псевдорешением. Точно так же недопустима декре-

том или партийным постановлением легализованная монополия на литературно-издательское дело какой-либо группы или литературной организации. Поддерживая материально и морально пролетарскую и пролетарско-крестьянскую литературу, помогая «попутчикам» и т.д., партия не может предоставить монополии какой-либо из групп ... » [2, с. 57].

Однако это только на словах. В своей текущей управленческой деятельности власть не очень-то руководствуется ей же самой провозглашенными идеологическими и пропагандистскими постулатами; да и творческие группировки плохо соответствуют требованиям «Положения о добровольных обществах», принятого в новой редакции 30 августа 1930 г. в котором прямо указано, что в Советском Союзе право на существование имеют лишь те общественные организации, которые «строят свою деятельность в соответствии с общегосударственным планом развития народного хозяйства и социально-культурного строительства, а также практически участвуют в разрешении задач Советской власти по соответствующим отраслям социалистического строительства»⁹. В Положении подчеркивается, что «научно-исследовательская деятельность обществ и союзов должна строиться на основе обеспечивающей марксистско-ленинскую проработку вопросов в соответствующих отраслях знаний»¹⁰. С этим у перечисленных творческих группировок не все обстоит так, как хотелось бы власти. И «марксистско-ленинская проработка вопросов» часто отсутствует, и целевую установку «общегосударственного плана развития народного хозяйства» они понимают очень уж по-своему. Несмотря на то, что Положение официально вводит требование «руководства деятельностью обществ со стороны государственных органов», юридически закрепляя подчиненное положение добровольных общественных организаций по отношению к государственному аппарату, партии никак не удается выстроить строго упорядоченную и эффективно действующую вертикаль власти – очень сложно партийно-государственным органам дотянуться до самостоятельных творческих архитектурных группировок: передать им свои установки в понятной и адекватно воспринимаемой форме, разъяснить смысл своих распоряжений, добиться неуклонного исполнения государственной политики.

Власть уготовила деятелям культуры особую миссию – в едином порыве прославлять трудовой энтузиазм миллионов и вдохновлять население страны на производственные подвиги. В соответствии с этим поэты и прозаики должны писать романы, поэмы и пьесы о передовиках производства; художники – создавать скульптуры и эпические полотна, прославляющие мирный созидательный труд; композиторы – сочинять кантаты о трудовых достижениях рабочих, крестьян и представителей советской интеллигенции; архитекторы – проектировать дешевые и быстровозводимые рабочие слободы подле промышленных производств, изящно отвлекая население от недовольства неудобством существующих коммунальных жилищ красочно изображаемыми на бумаге образами «светлого будущего» ... А вместо этого «творческие объединения» занимаются экспериментами в музыке и стихосложении, исканиями новых художественных приемов, участием в бурных дискуссиях о формах «коммунистического населения», городах будущего, об особом – «советском» жилище, которые, как им кажется, уже пришло время начинать создавать практически

Власть рассматривает архитектуру как систему деятельности, обслуживающую реализацию общегосударственных программ и «планов развития народного хозяйства», а не как сообщество «творцов», воплощающих собственные профессиональные фантазии. С позиций марксистско-ленинско-сталинской доктрины управления «пролетарским государством» только вертикаль руководства архитектурой (градостроительством), формируемая по приказу свыше и заполняемая доверенными людьми (номенклатурой), способна обеспечивать консолидацию проектировщиков на выполнение задач, которые власть ставит перед этой категорией госслужащих.

Партия убеждена, что художники, писатели, композиторы, архитекторы по сути своего труда ничем не отличаются от сталеваров, шахтеров, лесорубов, только продукт и средства труда у них иные. Поэтому их следует объединять в точно такие же производственные коллективы, как и железнодорожников, и металлургов – с такой же управленческой иерархией, с такими же внутренними контролирующими органами: партийным комитетом, комсомольской ячейкой, профкомом, попечительствующим о льготах и воспитывающим «отклоняющихся», с товарищеским судом и проч. Власть уверена, что лишь подобная «организация коллективов» способна обеспечивать дисциплинирование «творческих личностей».

Первая пятилетка наглядно показала, что независимость и самостоятельность «пролетариев культуры» начинают вредить стремлению партийно-государственного аппарата обеспечить направленность усилий работников искусства на достижение пропагандистско-идеологических целей. Власть устала выступать арбитром в постоянной борьбе творческих группировок друг с другом за лидерство. Ей не нужно постоянное мельтешение различных направлений, течений, творческих самовыражений. Ей в каждой профессиональной сфере необходима монолитная однотипно иерархизированная организация, безоговорочно исполняющая спускаемые свыше распоряжения, потому что высшее руководство страной убеждено в том, что государственную политику в сфере культуры, архитектуры, искусства должны проводить не некоторое количество «самоорганизующихся, свободных, саморазвивающихся, саморегулируемых» профессиональных объединений, а исключительно государственные органы. Причем лучше, если бы это делалось через конкретную группу проверенных, надежных исполнителей (по принципу «одного окна», как сказали бы сегодня), а они затем передавали бы приказы дальше – вниз.

Двум основным субъектам исполнения государственной жилищной и градостроительной политики (ВСНХ, осуществляющему индустриализацию и возводящему моногорода-новостройки, и НКВД, курирующему возведение новой селитбы в существующих городах, где реконструируются и расширяются старые промышленные предприятия) необходима разработка огромного массива проектно-сметной документации, без которой начинать любое строительство было невозможно. Как следствие, власти нужен орган, способный непосредственно контролировать «отряд советских архитекторов» изнутри – из недр профессиональной сферы, чтобы на понятном для архитекторов языке направлять их на исполнение государственных заданий. А тот факт, что эта государственная организация, целенаправленно создаваемая властью для целей партийного руководства архитектурной профессией, впоследствии будет названа «добровольной творческой общественной организацией деятелей советской архитектуры», мог ввести в заблуждение лишь самих архитекторов. И некоторую часть их них, действительно, в это заблуждение ввел.

Безусловно, люди искусства – натуры тонкие и требующие особого подхода. Однако власть убеждена, что и художники, и писатели, и архитекторы – точно такие же государственные служащие, как бухгалтеры, милиционеры, учетчики в продуктовых распределителях, только создающие и продающие несколько иной продукт – идеологический. Главное – не допускать никаких буржуазных проявлений «свободы творчества». В СССР все должно быть иначе, чем в странах капитализма. Но поскольку никаких конкретных и четких требований-предписаний по производству продуктов художественного творчества в Советском Союзе к этому времени еще не выработано (да и вряд ли подобное возможно, так как артисты, художники, музыканты, архитекторы все-таки несколько отличаются характером своей деятельности от вохровцев, трактористов, грузчиков, токарей-фрезеровщиков и т. д.), постольку власти проще всего было пойти по испытанному пути – «набрасывания» на самостоятельные творческие объединения внешней организационной формы, которая незаметно для этих объединений способна превратить их в абсолютно подчиненные и контролируемые структуры.

Советская власть, начиная с 1920-х гг., неоднократно и почти всегда с неизменным успехом и эффективностью использовала этот организационный прием для обретения контроля над самостоятельно возникшей и первоначально не зависевшей от нее активностью людей (например, по отношению к жилищной кооперации) в целях придания стихийно проявляющимся инициативам снизу вида законосообразного действия в результате включения их в уже существующую структуру с иерархическим типом административного подчинения [7, с. 35–38, 40]. И в 1930 г. партийно-государственное руководство с успехом проделывает эту операцию еще раз, теперь уже по отношению к творческим самостоятельным архитектурным группировкам, принуждая все объединения архитекторов влиться в единую организационную оболочку – Всероссийское архитектурное научное общество (ВАНО), куда все архитектурные группировки (Всероссийское общество гражданских инженеров – ВОГИ, МАО, ЛАО, ОАХ, АСНОВА, АРУ¹¹, ВОПРА¹², ОСА) тут же послушно входят на правах так называемых «секторов». Однако эта попытка объединения архитекторов не дает ожидаемого результата, потому что, несмотря на то, что эти объединения официально входят в Московское отделение этого общества (МОВАНО), их пребывание в его стенах оказывается лишь формальным актом. По сути же и АРУ, и ОСА, и ВОПРА продолжают существовать как частные организации [2, с. 134] – с собственным руководством, собственной профессиональной идеологией, самостоятельно собираемыми и расходуемыми бюджетами, «со своими сейфами и своими книжными шкафчиками».

Кстати, этот период существования творческих архитектурных группировок, несмотря на неугасающий интерес отечественной историографии к советскому авангарду, до сих пор остается белым пятном. Где размещались творческие архитектурные группировки? За счет каких средств существовали? Какая советская государственная структура и почему предоставляла частным, независимым от государства творческим группировкам помещения для их деятельности? На каких условиях? Николай Александрович Троицкий, исполнявший в начале 1930-х гг. обязанности ученого секретаря Московского архитектурного общества, писал в своих воспоминаниях о том, что и АСНОВА, и ВОПРА, и ОСА располагались в особняке в Ермолаевском переулке д. 17, принадлежащем МАО [12, с. 97]. Более того, именно ему, как ученому секретарю общества приходилось «выслушивать их жалобы и умерять претензии, высказывать которые и предъявлять друг другу непосредственно они не считали возможным...». По словам Троицкого, это «входило в его обязанности». Почему? Какое отношение МАО имело в творческих группировкам? Почему «при организации персональных и коллективных выставок независимых творческих группировок, проведения конкурсов, при выделении помещений, распределении площадей под планшеты» и проч. именно функционер МАО призван был решать организационные вопросы? А какую роль в организации и обеспечении деятельности творческих группировок играло МОВАНО?

В какой мере повседневная деятельность творческих группировок контролировалась «компетентными органами»? Во всяком случае, по свидетельству того же Н.А. Троицкого, фактически с первого дня своей работы на посту секретаря МАО он постоянно находился под контролем представителя ОГПУ: «... через два дня после водружения за и.о. секретарский стол впервые явственно ощутил устремленное на меня недреманное око Лубянки. Людмила Владимировна (Л.В. Маяковская – сестра поэта В. В. Маяковского, в описываемый период – секретарь МАО. – М.М) представила невысокого роста, щупленького, с бородкой человека:

– Николай Александрович, вы не будете против, если товарищ Воронков займет этот маленький стол в углу? Нам просто больше некуда его посадить.

Я, конечно, не возражал. К концу дня начали подходить архитекторы. Заходили, уходили. Вдруг, когда за одним из них только успела закрыться дверь, Воронков вскочил и пронзительным голосом:

– Маяковская!

Та вошла

– Больше никого не впускать! Заприте дверь, мы должны поговорить.

Взъерошенный, трясущийся в судорожном припадке Воронков быстро подошел ко мне:

– Что ты возишься с этими белогорликами?! Стрелять их надо! Стрелять! Стрелять! ... я тут же понял, что это человек из органов. Хоть и явно психически больной, шутить с ним не стоило. Усадил, постарался успокоить...» [8, с. 98].....

Оценив обстановку, сложившуюся в отношении творческих группировок в различных областях искусства, ЦК ВКП (б) принимает решение, протоколно фиксируемое 23 апреля 1932 г. Это решение, как покажет время, будет иметь судьбоносное значение для советской творческой интеллигенции. Оно призвано раз и навсегда покончить «с разбродом и шатанием» в поиске путей развития советского искусства и советской архитектуры. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии «О перестройке литературно-художественных организаций» однозначно фиксирует позицию руководства страной: самостоятельно формулирующие свои кредо творческие архитектурные, литературные, музыкальные, скульптурно-живописные и прочие объединения и группировки крайне вредны, потому что из-за стремления к самовыражению они впадают в «культивирование кружковой замкнутости» и отрываются «от политических задач современности», от «значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству». Это постановление распускает все без исключения художественные объединения страны – негосударственные, независимые, учрежденные частными лицами. Эпоха относительной художественной свободы в СССР завершается.

Постановление ЦК ВКП (б) «устраняет серьезный тормоз на пути нового подъема ... творчества» – осуществляет перестройку устаревших форм литературно-художественных организаций, «объединяет всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем, ... проводит аналогичные изменения по линии других видов искусства». Для этого вводится специфическая организационно-управленческая форма – «профессиональный союз», находящийся под прямым контролем и управлением партии. В эти профильные творческие профессиональные союзы партия объединяет всех деятелей культуры и искусства. Этим же постановлением создается «Союз советских архитекторов СССР». Именно так он назывался.

Существовавшие до сего момента самостоятельные творческие архитектурные группировки распускаются для того, чтобы собрать вместе «наиболее достойных» архитекторов страны в рамках единого профильного профессионального союза в целях обеспечения с их помощью контроля и руководства всеми без исключения архитекторами, работающими в рамках единой общегосударственной системы проектного дела. Союз архитекторов призван стать общегосударственным механизмом трансляции руководящих указаний от соответствующих органов политического руководства страной к архитектурным коллективам проектных институтов. Он призван, по замыслу власти, обеспечивать: а) распространение единых стилистических предпочтений, б) насаждение единого проектного метода, в) контроль над нечленами союза за счет воздействия на них членов, г) обеспечение исполнительской дисциплины среди сотрудников архитектурно-«производственных» коллективов (проектных, педагогических, административных, научных и проч.).

В руководящие органы формирующихся творческих союзов (в том числе Союза архитекторов) назначаются проверенные, надежные товарищи – из соответствующей профессиональ-

ной среды, проявившие себя в предыдущие годы как исполнительные, волевые «проводники генеральной линии партии», умеющие убедительно транслировать волю высших руководящих органов в профессиональные массы и практически доказавшие свою готовность настойчиво и твердо добиваться от подчиненных исполнения любых указаний свыше. Совершенно лояльные и послушные в исполнении приказов власти. В стенах образуемого Союза они должны принуждать «рядовых зодчих» к единообразному исполнению задач, выдвигаемых властью перед профессиональными сообществами.

Первое кардинальное отличие создаваемого Союза архитекторов от распущенных творческих группировок заключается в том, что главной обязанностью его членов является проведение в жизнь политики партии и правительства, а также внедрение метода социалистического реализма, точно так же, как это должны делать члены Коммунистической партии, главной обязанностью которых, согласно Уставу ВКП (б), является проведение в жизнь политики партии: «... союз советских архитекторов, ... объединяя всех архитекторов, стоящих на платформе советской власти, должен стать одним из проводников решений партии и правительства в строительстве и реконструкции соцгородов и социалистической реконструкции быта» [9, с. 11–13].

Второе отличие состоит в том, что внутри Союза формируется «партком» – точно такой же орган внутреннего идеологического контроля, как и на любой советской фабрике, заводе или в учреждении. С теми же самыми функциями – надзора и контроля за «идеологической правильностью текущей деятельности». Этот орган именуется «коммунистической фракцией» Союза. Он следит за тем, чтобы приказы вышестоящего начальства не оспаривались, спускаемые сверху решения не подвергались критике, чтобы никто не проявлял никакого идеологического своеволия. Команды свыше следовало лишь самоотверженно исполнять, беспрекословно подчиняясь политическому руководству и государственной цензуре.

Третье отличие – в новый союз включаются архитекторы вне зависимости от того, в какой конкретно проектной организации они работают; основным критерием принятия в члены Союза является готовность обеспечивать на местах проектного труда исполнение партийно-правительственных распоряжений, проявляя при этом «творческий подход» для «ускорения и совершенствования». Однако готовность «проводить линию партии» еще нужно было доказать – убедить приемную комиссию в том, что кандидат на вступление в члены союза является именно «советским» архитектором, т. е. разделяет и поддерживает «платформу советской власти», активно «участвует в социалистическом строительстве». Для этого вводилась точно такая же форма приема в члены Союз советских архитекторов СССР, как и при вступлении в члены ВКП (б): требовалось заполнить специальную анкету, ответив на вопросы о социальном происхождении, полученном образовании, членстве в комсомоле и других «общественных» организациях, участии в белом движении, наличии правительственных наград и проч. Точно так же как и при вступлении в партию, при вступлении в ССА СССР необходимо было иметь рекомендации трех уже состоящих в нем членов с обязательным указанием номеров членских билетов, чтобы рекомендателей легко можно было найти по картотеке Секретариата и строго спросить с них, если «рекомендованное ими лицо» вдруг отклонится от «линии партии».

Устав Коммунистической партии предусматривал при наличии в советских организациях и учреждениях как минимум трех членов ВКП (б) возможность создать первичную партийную ячейку. Точно так же и Устав Союза советских архитекторов давал его членам возможность создавать в проектных институтах и мастерских при наличии в них трех членов ССА СССР первичные ячейки, осуществлявшие проведение политики партии и правительства в профессиональные массы.

Если в Европе конец XIX в. был периодом расцвета общественных организаций и объединений – архитекторы добровольно объединялись в различного рода группировки по тем или иным аспектам профессиональных интересов, то в отличие от всех них, Союз советских архитекторов СССР был не «творческим архитектурным объединением» (хотя именно так он настойчиво именовался), а «государственным органом, осуществляющим государственную политику в области архитектурного творчества»¹³. Хотя Союзу советских архитекторов СССР и было присвоено политкорректное наименование-обманка «общественная организация», таковой он по существу не являлся. В нем преимущественно должны были состоять все те, кто по своему должностному положению был способен реально осуществлять политику власти – руководители проектных организаций, главные архитекторы городов, областей и краев. А те, кто по своему положению в системе государственного проектного дела ничем не руководил – техники-архитекторы, чертежники, макетчики и проч. – к членству в Союзе не были допущены вообще, несмотря на то, что к архитектурному творчеству имели непосредственное отношение. Так, в разделе устава под названием «Состав Союза» были перечислены категории лиц, не допускаемых к избранию в члены: «студенты вузов, рабочие, технический персонал, лепщики, чертежники и проч.».

Создание Союза было акцией, от начала до конца осуществляемой властью. Здесь ничто не было случайным. Все решения, которые впоследствии преподносились как инициатива «архитектурной общественности» или как «стихийный порыв профессиональных масс», заранее обдумывались в недрах партийного руководства, обсуждались, оформлялись в формулировках и планах конкретных организационных действий и, только после того, как получали согласие и поддержку партийного руководства, официально узаконивались тем или иным специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП (б).

Так, через две недели после принятия постановления «О перестройке литературно-художественных организаций», 7 мая 1932 г., Оргбюро ЦК ВКП (б) выработало список практических мероприятий по проведению в жизнь решения Политбюро. В постановлении Оргбюро «О мероприятиях по выполнению Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) "О перестройке литературно-художественных организаций"» был сформирован персональный состав комиссии, призванной подработать однотипный круг мероприятий по созданию трех союзов: композиторов, художников и архитекторов. В состав этих мероприятий входили: а) подготовка и проведение всесоюзных съездов, б) «общественное» выдвижение кандидатур на руководящие посты, в) «выборы» руководства союзов и т.п.

Первыми в очереди на обретение собственного творческого союза оказались писатели. Именно на них власть решила отработать организационные формы подготовки и процедуры проведения всесоюзных съездов, которые потом должны были быть тиражированы при создании прочих творческих союзов. После писателей должна была наступить очередь композиторов, потом архитекторов, а затем – художников. В состав сформированной ЦК ВКП (б) комиссии по созданию союзов вошли «ответственные» партийные товарищи: Стецкий, Рабичев, Динамов, Бубнов, Вязьменский, Верхотурский, Пшебышевский, Шацкий, Заславский, Осипов, Козелков, Черкасский, Фридман, Беккер [2, с. 175]. Комиссии было поручено: «... 2. Приступить к организации единого союза советских композиторов с тем, чтобы в союз вошли отдельные наиболее авторитетные деятели музыкального искусства (дирижеры, крупнейшие исполнители); 3. Поручить комиссии в составе тт. Стецкого (председатель), Бубнова, Енукидзе и Косарева представить на утверждение следующего заседания ОБ¹⁴: а) персональный состав оргкомитета и предложения по организационным вопросам (о сроке созыва съезда и т.д.) и проект постановления для публикации от имени организаций; ... 4. Поручить той же комиссии (т.

Стецкого) наметить и внести на утверждение следующего заседания ОБ персональный состав оргкомитетов союза художников и союза архитекторов, учтя состоявшийся на заседании ОБ обмен мнений. Считать возможным вхождение в состав союза архитекторов деятелей искусства, работающих в области архитектуры» [2, с. 175].

Однако по неизвестным причинам работа по созданию союза архитекторов пошла медленнее, чем планировалось и лишь через два с половиной года (4 октября 1934 г.) Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление о проведении Всесоюзного съезда советских архитекторов, предписав для подготовки съезда: «... б) провести 25 октября совещание ... с представителями крупнейших архитектурных организаций Советского Союза (Москвы, Ленинграда, Украины, Закавказья, Свердловска, Горького), в) предложить партгруппе Союза советских архитекторов после окончания этого совещания представить на утверждение ЦК кандидатуры в состав Оргкомиссии по созыву съезда, повестку дня и докладчиков на нем» [2, с. 269-270].

Осуществление всей подготовительной работы было возложено на партгруппу Правления Союза, а внешний контроль – на представителя ЦК ВКП (б) Щербакова. Было разрешено пригласить на съезд 25–30 иностранных архитекторов, а Отделу культурно-воспитательной работы ЦК было дано соответствующее поручение – определить в месячный срок конкретные кандидатуры [2, с. 269–270].

С первых шагов существования Союза писателей и формирования рабочих органов других творческих союзов возникло две проблемы: содержательная и организационная. Содержательная заключалась в том, что отсутствовала единая профессионально-идеологическая платформа, которая была бы способна обеспечить основания для выработки общей позиции. В это время в архитектурной деятельности практиковались как традиционные методы формообразования, так и новые, довольно глубоко к этому моменту теоретически, методологически и практически проработанные как в рамках существовавших творческих группировок (конструктивистами и рационалистами), так и отдельными мастерами советского архитектурного авангарда (например, Я.Г. Черниковым). Чтобы заставить членов группировок или отдельных мастеров отказаться от их творческого метода и начать исполнять то, что им прикажут, нужно было противопоставить их творческому подходу иной метод – значительно более «содержательно значимый».

Этот метод был придуман фактически двумя людьми: главным редактором газеты «Известия» и по совместительству редактором журнала «Новый мир» Иваном Гронским и Генеральным секретарем ВКП(б) Иосифом Сталиным. Они «изобрели» метод «социалистического реализма». Как писал в своих воспоминаниях Гронский, он предложил назвать новый творческий метод советской культуры и искусства «пролетарский социалистический реализм» или «коммунистический реализм». Сталин возразил: «Но ведь мы пока не ставим в качестве практической задачи вопрос о переходе от социализма к коммунизму... Как вы отнесетесь к тому, если мы творческий метод советской литературы и искусства назовем «социалистическим реализмом»?» [10, с. 334–335].

23 мая 1932 г. – через месяц после выхода постановления ЦК ВКП (б) о роспуске творческих объединений и создании профессиональных союзов – в «Литературной газете» было опубликовано выступление И. Гронского на активе литкружков Москвы, в котором впервые публично объявлялось о том, что в советском искусстве теперь есть основной метод творчества – «социалистический реализм».

«Соцреализм» был придуман в первую очередь как способ укрощения литераторов, но оказался универсальным трюком, пригодным для применения во всех областях культуры, прежде

всего, из-за полного отсутствия в нем какого-либо конкретного содержания. Сталину нужно было именно такое – броское, содержательно неопределенное словосочетание (как сказали бы сейчас, «слоган»). «Поскольку оно было лишено конкретного смысла, его можно было наполнять любым содержанием и прикладывать в зависимости от ситуации к любым художественным направлениям. Став "ведущим творческим методом" всех советских деятелей культуры, в том числе и архитекторов, "соцреализм" не полемизировал с уже существующими и популярными в профессиональной среде художественными теориями, он их просто отменял. Безо всяких споров оказались ненужными теоретические разработки не только современного движения в архитектуре – конструктивизма и рационализма, но и вполне традиционные художественные теории пространства и массы, осмысления природы стилей, пропорциональных методов и проч. Рассуждать об архитектуре вне риторики «соцреализма» уже больше было нельзя, а в ее рамках – невозможно. Поскольку, совершенно непонятно было о чем говорить ...» [11, с. 257].

Теперь кандидату на вступление в члены ССА СССР необходимо было доказать, что он готов воплощать основное требование «социалистического реализма»: обеспечивать создание «прогрессивного идейного содержания». Это словосочетание – еще более мутная и произвольная формулировка, чем сам «соцреализм», зато позволявшее любому партийному чиновнику руководить архитекторами, без наличия у него каких-либо профессиональных знаний. Более того, профессиональные знания котировались гораздо ниже, чем свойственное партийному руководителю мистическое умение отличать «идейное» от «неидейного» [11, с. 263].

Организационная проблема заключалась в том, что в состав союза были включены не только «архитекторы-партийцы», но и мастера старой школы, и лидеры распущенных творческих группировок. Это было сделано, во-первых, для того чтобы соблюсти хотя бы видимый паритет представительства в новом органе основных творческих течений советской архитектуры, добившихся к этому времени авторитета в профессиональной среде и имевших достаточно много сторонников. Во-вторых, чтобы облегчить влияние на рядовых членов ликвидированных творческих группировок за счет привлечения к принятию решений созданного Союза бывших лидеров этих группировок, ныне включенных в его руководящие органы. Присутствие в руководящем органе – Правлении Союза этих трех «категорий»: а) «надежных партийцев», б) архитекторов старой школы и в) бывших руководителей ликвидированных творческих группировок, изначально создавало сильное напряжение взаимоотношений и резкое противостояние профессиональных мировоззрений.

Перед партгруппой Союза, которая, как и другие органы ССА была образована сразу после выхода постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций», встала очень непростая организационная задача – нужно было заставить и архитекторов старой школы, и мастеров советского авангарда признать приоритет и принять над собой командование их бывших студентов – «архитекторов-партийцев»: К.С. Алабяна, А.Г. Туркенидзе, А.Г. Мордвинова и др. Весь долгий пятилетний период, от принятия 23 апреля 1932 г. постановления об организации Союза советских архитекторов до его официального «рождения» на Всесоюзном съезде советских архитекторов 16–26 июня 1937 г., был периодом разрешения этой организационной проблемы – периодом непрерывной войны поколений: а) поколения тридцатилетних архитекторов-партийцев, возвращенных советской архитектурной школой, б) поколения пятидесятилетних (и более старшего возраста) беспартийных мастеров дореволюционной школы (традиционалистов), а также в) представителей советского архитектурного авангарда (рационалистов, конструктивистов и проч. – бывших лидеров творческих группировок).

Согласно политике партии, «новой художественной «элитой» во всех областях искусства и культуры должны были стать партийные кадры – коммунисты и комсомольцы. В советской системе государственной организации архитектурно-градостроительной деятельности правом на творчество, на художественное высказывание должны были обладать наиболее политически преданные, т.е. «идейные», а не наиболее талантливые. Именно они должны были прийти на смену «безыдейным». Именно они должны были занять места руководителей профессиональных союзов, проектных учреждений, учебных заведений, стать подлинными советскими мастерами без кавычек: «очень важно дать понять «мастерам» что мастером является в первую очередь тот, кто идейно проектирует».

Спектр приемов, которые использовала партгруппа Союза советских архитекторов, пытаясь подчинить своему влиянию архитекторов старой школы, а также членов ликвидированных творческих группировок, включенных по причине своей популярности в состав Правления Союза советских архитекторов СССР, доскональным образом проанализирован и раскрыт в диссертации А.Н. Селивановой [12]. Он был чрезвычайно разнообразен и основан на богатом опыте внутрипартийной борьбы с правой и левой оппозицией, накопленном ВКП (б) за предыдущие годы. «Отвоевать», «отколоть», «перевоспитать», «приручить», «разобщить», «выявить врагов и уничтожить» – вот далеко не самый полный перечень мер, практиковавшихся в отношении беспартийных членов Правления.

«Отколоть» и «приручить» пытались наиболее известных архитекторов из числа представителей советского архитектурного авангарда (прежде всего, наиболее многочисленной и наиболее популярной группы конструктивистов) [12. С. 165]. В первую очередь, это относилось к М.Я. Гинзбургу и Н.Д. Колли. Именно на Колли была опробована «политика откола»: «партия имеет много примеров этой тактики и стратегии. Можно ли отколоть Колли от конструктивистов. Конечно можно»¹⁵. «Откалывание» Н. Д. Колли от единомышленников-конструктивистов проходило по следующей схеме: его стали а) активно привлекать к общественной работе Союза, б) приглашать на закрытые дискуссии, в) публиковать его статьи. Трудно сказать, что было решающим, но Колли перешел на сторону партгруппы, явив пример «перевоспитавшегося конструктивиста»¹⁶. За что в отчете ответственного секретаря Союза К.С. Алабяна Л.М. Кагановичу Колли был удостоен высокой оценки, с примечательным комментарием: «вполне оправдал оказанное ему доверие»¹⁷. В начале 1936 г. именно Колли стал одним из публичных рупоров партгруппы – ему было доверено представить в передовой статье новогоднего номера «Архитектурной газеты» основные тенденции советской архитектуры прошедшего 1935 г.

«Откол» и «приручение» практиковалось также и в отношении лидера конструктивистов (ОСА) М.Я. Гинзбурга. «Ему, так же как и Колли, предложили участвовать в Съезде, но в гораздо более скромной роли – прочесть доклад об индустриализации жилищного строительства. В это время (и вплоть до 1937 г.) у М.Я. Гинзбурга, по-видимому, еще оставались иллюзии как в отношении самостоятельности и независимости его положения в органах управления Союзом, так и в отношении предназначения будущего Съезда архитекторов в целом. Более того, он так до конца и не понимал новых правил игры в «коллегиальность руководства» союзом. В частности, пытался написать свой доклад самостоятельно – без контроля со стороны партгруппы, отказывался формулировать отдельные тезисы доклада под диктовку «приставленного» комсомольца» [12, с. 165–166], пытался избавиться от исправления содержания своего доклада назначенными для этого партийцами.

Помимо «отвоевания» с последующим «приручением» отдельных членов бывших творческих группировок (например, Н.Д. Колли), партгруппа Союза ставила своей целью еще и "раскол",

"разобшение" бывших членов архитектурной группировки, а фактически - профессиональной школы конструктивистов. Анализируя достижения на пути «раскола» группы конструктивистов, комсомолец Нессис («приставленный» к Гинзбургу партгруппой) говорил: «На словах они [Гинзбург и Колли] как будто перестроились ... нужно главным образом отбить у них ту массу людей, молодежи, которая находится под их влиянием не как архитекторов, но как идеологов»¹⁸.

Были и другие, более жесткие, методы. Например, «выявить врагов и уничтожить». Под лозунгами: «Коммунист не мыслим в своей партийной сущности без повседневной бдительности на любом участке ... каждый коммунист должен быть своеобразным чекистом»¹⁹, партийное руководство ССА из органа управления «творческой организацией» стремительно превращалось в карательный орган по выявлению и уничтожению врагов «архитектурного фронта». Как и подлинный чекисты, они в своей работе широко использовали различного рода провокации и фабрикацию дел. В частности, в канун съезда – на рубеже 1935–1936 гг., члены партгруппы Правления Союза К.С. Алабян и А.Я. Александров совместно с главным редактором «Архитектурной газеты» С. Ольшевцом сфабриковали громкое «дело архитекторов». Полемика для его развертывания стала рубрика «Архитектурной газеты» под заголовком: «Предсъездовские дискуссии».

Хитроумный спектакль был срежиссирован довольно тонко и разыгран не лично партийцами, а управляемыми и направляемыми ими «присвоенными» архитекторами-конструктивистами. А «наживкой» был выставлен М.Я. Гинзбург, которого спровоцировали написать статью на животрепещущую для него тему – «Задачи советской архитектуры» [13]. Что он и сделал – искренне и честно. Главный редактор «позволил» опубликовать статью. А через два месяца в газете появился ответ – резкая разгромная статья бывшего члена ОСА Л.К. Комаровой «Триада конструктивизма» [14]. В статье «содержались все старые штампы, адресовавшиеся в адрес конструктивистов вопровцами, а также обвинения политического характера ...» [12, с. 166]. Главным в этой провокации было не содержание критики – претензии были поверхностными, надуманными и не имели никакого отношения к высказываниям Гинзбурга, а то, что эта ситуация позволила приклеить к статье Гинзбурга политический ярлык «открытого выступления "враждебных группировок"» [12, с. 166], «вероломной выпадки затаившихся врагов советской архитектуры»²⁰.

Параллельно с публикацией статьи Комаровой, метящей в Гинзбурга, был нанесен удар и по другому «беспартийному лагерю» – по группе Жолтовского. Орудием был назначен уже полностью «присвоенный» Н.Д. Колли, написавший разгромную статью: «Несколько вопросов Жолтовскому» [14]. Статья содержала претензии к независимой позиции архитектора, а также весьма вольную трактовку теории мастера. Неважно, что в статье значительно больше было «фантазий самого Колли», чем действительного анализа подлинных высказываний и мыслей Жолтовского, значимым было то, что Жолтовский, пользовавшийся среди части архитекторов и ряда высокопоставленных ведомственных заказчиков безусловным авторитетом, был публично заклеен как человек безыдейный, чуждый марксистско-ленинской идеологии и методу соцреализма. Успешное выполнение этого партийного задания было вознаграждено – Колли удостоился чести прочитать доклад на Первом Всесоюзном съезде архитекторов. Помимо «прирученного» конструктивиста Колли, в главном разделе съезда, Щусев, и главный партийный архитектурный идеолог страны – Алабян [12]. Видимо, по замыслу организаторов такой состав докладчиков должен был символизировать полное примирение мастеров старой школы, бывших конструктивистов и новых партийных лидеров профессии.

Планы по «отвоеванию» («отколу») с последующим «приручением» («приспособлением») партийцы вынашивали и по поводу еще одной ключевой фигуры – С.А. Лисагора – соратника

лидеров конструктивизма братьев Весниных и Гинзбурга, приятеля Леонидова, Синявского, Барща, Владимиров, Милиниса, Бутова, Пастернака и др. конструктивистов²¹. Эту акцию партийцы также проделали с помощью провокации. Лисагору, как он сам позже рассказывал, «на заседании Оргкомитета было поручено заострить творческие вопросы в газете»²² – выступить с ответом на теоретическую статью Щусева, опубликованную ранее в «Архитектурной газете» [15]. Лисагор, возможно, совместно с единомышленниками (Весниными и Гинзбургом) решили использовать эту возможность для изложения взглядов конструктивистов в отношении эклектики, которая, как они считали, подобно «гангрене, разъедает архитектуру» (по определению Веснина). Критическая статья Лисагора с подмененным редакцией «громким» названием «Конструктивизм и эклектика», вместо первоначального более аккуратного «Ответ академику А.В. Щусеву», была опубликована в «Архитектурной газете» [16].

«Прямой и бескомпромиссный текст Лисагора явился поводом для порождения среди партийцев бури притворного негодования и тут же был трактован как открытое «групповое наступление» конструктивистов на А.В. Щусева, который, в силу разного рода причин, архитекторами-партийцами признавался “своим”. Незамедлительно в той же газете был опубликован ответ Лисагору – беспрецедентная по своей развязности статья, озаглавленная “Система извращения фактов или как «разоружаются» бывшие конструктивисты”» [29]. Статья, сама основанная на искажении и подтасовке фактов, изобилующая идеологическими лозунгами и политическими ярлыками, была написана кем-то из членов партийной группы²³, но подписана (как и в случае со статьей Комаровой) именем бывшего конструктивиста Г.М. Людвиг, ныне «перековавшегося» и ставшего «авторитетным лицом» – ученым секретарем Академии архитектуры СССР. И по тону, и по содержанию статья была приговором и конструктивизму, и лично, неслучайно выбранному жертвой, Лисагору. Неслучайно потому, что он был не только убежденным сторонником советского архитектурного авангарда, но и личным другом Весниных, Гинзбурга [12, с. 67], впрямую «бить» по которым» партийцы пока не решались. На фоне событий своего времени статья вполне реально ставила под угрозу не только профессиональную деятельность С.А. Лисагора, но и его жизнь. Что в конечном счете и произошло. 13 февраля 1936 г. Оргкомитетом было устроено открытое обсуждение статьи Лисагора. И этот шаг – проведение якобы «открытой и демократичной дискуссии», был осуществлен партийцами преднамеренно и целенаправленно – нужно было спровоцировать представителей «старого архитектурного архива» открыто высказать все то, что они думали, чтобы дать «политическому ядру Союза архитекторов» повод и актуальный материал для политических обвинений конструктивистов²⁴, для публичного приклеивания им «обличительного» ярлыка «безыдейных формалистов». В полемике участвовали два лагеря: на стороне «виновника» дискуссии С.А. Лисагора выступали И.И. Леонидов, А.А. Веснин, М.Я. Гинзбург, М.О. Барщ, И.З. Вайнштейн, и С.Н. Кожин (член «квардриги» Жолтовского²⁵), на стороне «обличителей» – Ольшевец, А.Г. Мордвинов, Д.Е. Аркин, Л.И. Ремпель, А.Г. Туркенидзе, А.М. Заславский, К.С. Алабян и А.Я. Александров. И Гинзбург, и Веснин в ходе спора пытались совершенно безрезультатно защитить конструктивизм и практиковавшийся ими метод проектирования, методику обучения, отработанную во ВХУТЕМАСе и в целом художественные достижения двадцатых годов, а главное – очистить имя Лисагора от абсолютно безосновательных обвинений. Любые их слова произвольно трактовались так, как это было выгодно партийцам, которым было необходимо продемонстрировать свои успехи на фронте бдительного выявления скрытых политических врагов и последующей победоносной борьбы с ними. Поэтому, в частности, слова А.А. Веснина: «конструктивизм должен все время развиваться и идти вперед» и М.Я. Гинзбурга: «мы не стыдимся нашего прошлого, мы им гордимся», были тут же использованы К.С. Алабяном для того, чтобы сделать вывод о сплоченности враждебной группировки: «... мы особенно чувствуем консолидацию этих формалистов. Они уже выступают не как отдельные личности, но стараются создать какой-то фронт и иметь

единое мнение по этим вопросам. В этом направлении нам необходимо будет разоблачать их творческие позиции и самым категорическим образом выступить»²⁶.

Было в высказываниях конструктивистов и то, что заставило инициаторов побоища – Алабяна, Мордвинова и Александрова и др. особенно сильно заволноваться – Гинзбург и Барщ заявили, что если ситуация не изменится, они не будут участвовать в проектах Оргкомитета, не пойдут на Съезд и не будут публиковаться в подконтрольной прессе, более того, они вообще подвергли сомнению возможность проведения Съезда в таких условиях²⁷. Это предупреждение было расценено партийным руководством Союза советских архитекторов как угроза проводимой им политики «присвоения» и «перевоспитания», публично продемонстрировать позитивные результаты которой как раз и должен был Съезд. О том, что вызов принят, подводя итоги встречи 13 февраля, заявил Александров, пообещав скорый «решительный и категорический отпор со стороны всего здорового ядра советской архитектурной общественности...»²⁸ и пообещав: «...нет серьезной драки, которая была бы гарантирована от пролития крови. Кровь будет литься»²⁹. И вскоре последовало соответствующее действие – С.А. Лисагор был арестован, и через некоторое время по приговору, подписанному Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и знавшим его лично Кагановичем, расстрелян³⁰.

После инсценировки публичного разгрома конструктивистов все факторы, сдерживавшие партийное руководство ССА, были отброшены. Тексты, написанные партгруппой, были одобрены и даже поощрены на самом верху – в отделе печати ЦК ВКП (б) и стали черновиками известной анонимной статьи «Какофония в архитектуре» [18], давшей старт сокрушительной атаке на «формализм» в изобразительном искусстве и музыке и сознательно превращенной ее авторами в грозное политико-идеологическое обвинение против коллег-архитекторов. Под прикрытием борьбы с формализмом, в целях подчинения каждого архитектора воле партии и стремления превратить его в «преданного советского специалиста»³¹, партгруппа Союза усилила давление на профессиональное сообщество: «...мы всемерно должны добиваться, чтобы любой автор, техник, архитектор, работающий в наших мастерских, работал на полную силу на социалистическое строительство»³². Партийное руководство Союза, провозглашая тотальный контроль, учило: «...видеть всего человека, видеть все нутро, всю практическую работу, но в тысячу раз важнее ... следить за его делами, с кем он сталкивается, в каком круге вращается, какое поведение – личное, общественное ... только всесторонний анализ всего его как человека, и его прошлого и сегодняшнего дня ... может дать нам какие-нибудь результаты»³³. Можно только удивляться, с какой готовностью и легкостью партийные лидеры Союза взяли на себя роль проводников массового террора среди коллег: «Наша задача разоблачать врага открыто ... мы должны сорвать с него маску. Установить тесную связь со всеми партийными организациями учебных заведений, проектных организаций ... изучить до конца членов ССА»³⁴. В условиях слежки и фабрикации дел, которые целенаправленно формировались руководством «общественной творческой организации», под угрозой доноса и ареста оказывался каждый.

Летом, когда в Москве состоялся процесс над троцкистско-зиновьевским блоком, «очистительная работа партии» в ССА приобрела угрожающие размеры – начались тотальные чистки в региональных отделениях Союза, особенно в таджикском и узбекском; прошла волна арестов среди иностранных архитекторов, работавших в СССР. Неуступчивых или ломали при помощи запугивания (как в случае Барща и Гинзбурга – судьбами расстрелянных Охитовича и Лисагора), или лишали какой-либо возможности публичного высказывания и профессиональной деятельности (в случае Мельникова, Леонидова, Бархина и др.).

В этой борьбе «враждующие стороны» предстают в совершенно ином виде, нежели их впоследствии представляло отечественное искусствознание, – это вовсе не «традиционалисты» и «конструктивисты» (в широком понимании), а «партийные» и «беспартийные» архитекторы.

Под влиянием партийной установки на «чистку рядов», гонения постепенно переместились с «чуждых» на «своих». «Троцкистом» был объявлен бывший партийный соратник – член партгруппы ССА А.Я. Александров. Затем в рядах «своих» были выявлены новые враги – Н.П. Заплетин и С.Ф. Бабаев – заместители руководителей проектных мастерских Моссовета³⁵, выполнявшие в мастерских функцию надзорного ока партии в свое время вошедшие в состав партгруппы ССА как представители актива ВОПРА. Был сослан в Узбекистан один из основных теоретиков партгруппы – Л.И. Ремпель. Эффективность этой деятельности приобрела в 1936 г. оттенок ударничества: «каждую шестидневку выявляются новые фигуры», – говорил К.С. Алабян об обнаруженных троцкистах.

Важнейшее значение в глазах партийного руководства Союза играло проведение Первого Всероссийского съезда советских архитекторов. Любые потенциально возможные случайности в проведении съезда должны были быть исключены заранее. Для этого в процессе подготовки съезда (задолго до его проведения) была утверждена итоговая резолюция, которая впоследствии с незначительными изменениями была послушно принята. Также был составлен список из нескольких сотен потенциальных кандидатов в докладчики (из Москвы, Ленинграда и Союзных республик), сформулированы темы их докладов. Кандидатам в официальные докладчики предлагалось в обязательном порядке заблаговременно представить тезисы своих выступлений на утверждение Оргкомиссии по созыву съезда, утвержденной ЦК ВКП (б). Мало того, они обязаны были предварительно выступить в узких профессиональных аудиториях, практически апробировав содержание своих докладов. Те тексты докладов, которые оказывались наиболее соответствующими идеологическим требованиям, были обсуждены, раскритикованы, подправлены и, в конечном счете, отредактированы партгруппой Оргкомитета Союза, ответственной за осуществление организационной работы по подготовке съезда. Председатель Оргкомитета Каро Семенович Алабян отчитывался: «Мы мобилизовали по Москве сотни людей ... мы имеем заданием заставить этих людей выступить и до Съезда и после Съезда так, как мы хотим. ... Я знаю, что нет случая, чтобы какой-нибудь доклад ставился без того, чтобы нами не санкционировалось это. Мы проводим десятки совещаний, проверили сотни тезисов и приняли из них на обсуждение только 50 ...»³⁶. А затем передали свои соображения «наверх». Там приняли решение и спустили его «вниз» к исполнению. Так постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 25 сентября 1935 г. «О дате, повестке дня и ответственных за подготовку Всесоюзного съезда советских архитекторов» предписывало: «... Утвердить следующую повестку дня съезда и докладчиков:

- 1) Задачи советской архитектуры – докладчики: архитектор Алабян, академик Щусев, профессор Колли, архитектор Симонов (Ленинград) и содоклады представителей союзных республик;
- 2) Архитектурное образование и подготовка мастеров строительного дела – докладчики: академик Желтовский³⁷, профессор Никольский, архитектор Крюков.
- 3) Доклад о реконструкции Москвы и о задачах в области планировки городов – докладчик профессор Чернышев.
- 4) Архитектура за рубежом – докладчики: архитектор Иофан, академик Щуко, профессор Аркин.
- 5) Устав Союза советских архитекторов СССР – докладчик т. Александров.» [2. С. 269-270].

Тем же постановлением было определено, что все доклады должны быть готовы и представлены в письменном виде через два месяца – к 25 ноября 1935 г. "на окончательное утверждение в ЦК ВКП(б)"³⁸.

И вновь по причинам, которые до сих пор остаются не выясненными, проведение съезда оказалось отсроченным еще почти на два года – его перенесли на 20 апреля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло очередное постановление «О сроках созыва и повестке дня Всесоюзного съезда советских архитекторов». К этому времени Союз архитекторов уже развернул сеть своих местных организаций. Так, например, в Иркутске краевая организация СА СССР была сформирована за два года до проведения Всесоюзного съезда – соответствующее постановление Восточно-Сибирского крайкома принято 8 апреля 1935 г. В марте 1935 г. была учреждена местная организация в Омске и т.п.

Постановление «О сроках созыва и повестке дня Всесоюзного съезда советских архитекторов» предписывало:

«1. Установить срок открытия Всесоюзного съезда советских архитекторов 15 июня 1937 г. Определить количество делегатов съезда в 450 чел.

2. Утвердить следующую повестку дня съезда и докладчиков:

- 1) Задачи советской архитектуры. Докладчики: арх[итектор] Алабян, акад. Щусев, проф. Колли; доклады представителей национальных республик; доклады об архитектуре Дворца Советов: арх[итектор] Иофан, акад. Щуко, проф. Гельфрейх.
- 2) О генеральном плане реконструкции Москвы и о планировке городов. Докладчик – проф. Чернышев.
- 3) Архитектура жилищ. Докладчики: арх[итектор] Симонов и арх[итектор] Мордвинов.
- 4) Архитектурное образование и подготовка мастеров строительного дела. Докладчики: арх[итектор] Крюков и акад. Желтовский.
- 5) Устав Союза советских архитекторов. Докладчики – арх[итектор] Заславский.

3. Поручить комиссии в составе гг. Стецкого, Антипова, Смирнова Г., Гинзбурга, Бермана, Булганина, Алабяна, Керженцева, Рябова и Ангарова вести дальнейшую работу по подготовке съезда и помощи докладчикам при составлении докладов» [2, с. 358–359].

27 мая 1937 г. на совместном заседании Оргкомитета Союза советских архитекторов с представителями уже существовавших Союзов скульпторов и художников это решение было публично озвучено. К перечисленным докладам по согласованию с комиссией ЦК под председательство тов. Стецкого был добавлен доклад проф. П. Ильина. «Планировка городов на опыте Ленинграда». Также на совместном заседании скульпторы и художники были проинформированы о том, что вся содержательная программа съезда уже детальнейшим образом расписана, проверена, утверждена – тексты всех докладов давно напечатаны и согласованы Комиссией ЦК, и что Оргкомитет Союза архитекторов не ждет от товарищей скульпторов и художников каких-либо выступлений или «предложений по творческой линии», а просит, чтобы короткие выступления художников и скульпторов были строго ограничены по числу и не затрагивали тем «общепрограммных докладов», которые будут делать архитекторы, а касались бы лишь чего-то вдохновляющего и идеологически образного.

Партийное руководство Оргкомитета Союза архитекторов давало точные указания по участию «творцов прекрасного» на съезде: «Мы хотим, чтобы Союз скульпторов и Союз художников

дали ряд выступлений, заранее проработанных, хорошо продуманных ... мы просим представителей Союзов художников и скульпторов выделить группы и провести специальное обсуждение выдвинутых тем вместе с нашими докладчиками, чтобы выяснить, какие вопросы хотят поднять на съезде архитекторов художники и скульпторы. Здесь надо как-то дифференцировать тот небольшой материал, который можно будет огласить с трибуны съезда. Нужно так дифференцировать материал, чтобы было одно или два выступления по первому докладу, по второму, по третьему. Нужно будет затронуть вопрос о подготовке мастеров художественной промышленности...»³⁹.

На этот раз съезд состоялся – он начал работу 16 июня и закрылся через десять дней – 26 июня 1937 г. Накануне съезда 15 июня на заседании Политбюро было решено «передать вопросы, связанные со съездом архитекторов, в комиссию в составе тт. Молотова (созыв), Кагановича, Микояна, Чубаря и Стецкого»⁴⁰[2]. И здесь не обошлось без накладок. Но поскольку изменения шли с самого верха и усиливали статус мероприятия, постольку были восприняты Оргкомитетом с чиновничьем благоговением.

16 июня 1937 г., буквально в день открытия съезда Политбюро ЦК ВКП (б) в Постановлении «О мероприятиях в связи с проведением Всесоюзного съезда советских архитекторов» решило: «Поручить т. Чубарю В.Я. выступить на Всесоюзном съезде советских архитекторов от имени ЦК ВКП (б) и СНК СССР», а также посчитало необходимым выступление на съезде товарищей: Смирнова от Госплана, Булганина – от Моссовета, Гинзбурга – от Наркомтяжпрома, Жук – от строительства канала Волга–Москва. Обязало «Правду» и «Известия» уделять ежедневно одну полосу для освещения съезда советских архитекторов. Тов. Молотову было поручено принять от имени СНК СССР делегацию съезда. А тов. Булганину поручено по окончании съезда организовать прием для делегатов съезда и для иностранных гостей [2, с. 378].

Все произошло именно так, как было запланировано и предписано партийными постановлениями. Съезд прошел в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. На нем были представлены многократно проверенные, отцензурированные, отредактированные доклады о задачах советской архитектуры (докладчики К.С. Алабян, Н.Я. Колли, А.В. Щусев, содоклады представителей союзов архитекторов Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузинской, Армянской, Узбекской, Казахской, Таджикской и Туркменской ССР), об архитектуре Дворца Советов (докладчики Б.М. Иофан, В.А. Щуко, В.Г. Гельфрейх), о планировке и реконструкции городов (докладчики С.Е. Чернышев и Л.А. Ильин), о жилищной архитектуре (докладчики Г.А. Симонов, А.Г. Мордвинов, М.Я. Гинзбург), об архитектурном образовании (докладчики М.В. Крюков и И.В. Жолтовский). Съезд обсудил и принял (по докладу А.М. Заславского) новый устав, а также послушно и единодушно проголосовал за предложенный им список членов руководящих органов...

Союз советских архитекторов СССР был создан! Союз советских архитекторов СССР как орган контроля и руководства получил название «творческого» в отличие от проектных организаций, называемых «производственными». В стране в 1930–1940-е гг. была сформирована система республиканских, краевых, областных, городских организаций СА СССР, которые содержательно «вживлялись» в систему массового проектного дела за счет того, что председателем правления местной организации СА СССР, как правило, становился главный архитектор города или области, либо главный архитектор одного из крупнейших местных проектных институтов. Членами правления чаще всего избирались главные архитекторы проектных институтов либо ведущие специалисты. Все они обязаны были проводить в жизнь циркуляры и инструкции центра. А в случае необходимости из Москвы приезжал высокопоставленный

чиновник от архитектуры и помогал местным чиновникам от архитектуры правильно уяснить политику партии и правительства, умело провести ее в массы и в соответствии с ней осуществить кадровые перестановки.

Подобно тому, как наркоматы направляли на ответственные стройки своих уполномоченных, Союз архитекторов также в целях осуществления непосредственной связи руководящих органов центра и исполнительных органов на периферии, назначал своих представителей, наделенных очень широкими правами и полномочиями⁴¹. По «Положению об уполномоченных Союза СА»⁴² (1937) каждый такой уполномоченный «утверждался правлением Союза и являлся на месте представителем правления по всем разделам работы последнего»⁴³. На него возлагались серьезные обязательства и ответственность: 1) осуществление постоянной связи с правлением Союза, в целях постоянной информации архитекторов о работах правления и информации Союза о творческой деятельности архитектурного коллектива; 2) проверка выполнения работ, поручаемых правлением отдельным архитекторам, подготовка материала к заседаниям правления, пленумам и конференциям, обсуждение в коллективе вопросов, стоящих в порядке работы правления; 3) организация сбора предложений по улучшению проектного и строительного дела, организация творческих соревнований и помощь в развертывании стахановского движения; 4) составление плана союзной работы своей организации, выявление актива, обеспечивающего в архитектурной практике учебу молодняка⁴⁴.

Положение уполномоченного усиливалось приданием ему исключительных функций поощрения. От него зависели: а) улучшение бытовых условий; б) получение путевок на отдых и на лечение; в) бесплатные поездки архитекторов по стране и за рубеж в целях повышения своего образовательного уровня; г) получение различного рода ссуд (так как уполномоченный курировал обслуживание бытовых нужд членов союза по линии Архфонда и по этим вопросам являлся представителем Правления Архфонда); д) получение медпомощи (осуществлялась Архфондом только при ходатайстве уполномоченного)⁴⁵. Вся работа уполномоченного проходила в тесном контакте с местными «общественными» организациями, которые отслеживали и контролировали культурно-политический уровень поведения и сознания членов своих организаций⁴⁶.

От уполномоченного напрямую зависела возможность служебной карьеры, так как исключительно он «выявлял активных архитекторов и выдвигал их в кандидаты членов Союза, обсуждал выдвинутые кандидатуры на общих собраниях и представлял на утверждение правления Союза, привлекал к союзной работе всех работников проектной организации и строительной площадки вне зависимости от принадлежности их к членам союза. ... Выдвигал кандидатов для отправки на учебу, экскурсии и другие виды повышения квалификации»⁴⁷ [39. Л. 45-а]. Деятельность уполномоченного находилась под прямым контролем Правления Союза архитекторов: «... Уполномоченный может быть лишен своих полномочий по решению общего собрания или Правления Союза за бездеятельность, или другие позорящие его действия как общественного выбранного работника и гражданина Советского Союза»⁴⁸.

С созданием института уполномоченных ССА СССР окончательно превратился для всех архитекторов страны в единственного «вершителя профессиональных судеб»: 1) решающей инстанцией в вопросах продвижения по службе; 2) органом, указания которого обязательны к исполнению; 3) решающей инстанцией в распределении материальных поощрений и социальных благ; 4) источником образцов поведения и действия в рамках массовой системы проектного дела; 5) основной инстанцией, влияющей на возможность повышения профессиональной квалификации.

Советская политическая система не оставляла своим трудовым ресурсам, в том числе и имеющим специальность архитектора, каких-либо лазеек для независимой деятельности и самостоятельного мышления. Власть дотягивалась до самых дальних уголков архитектурной профессии, потому, что профессия архитектора в СССР была профессией государственной, а ее представители являлись государственными служащими! Созданная в сталинский период система проектного дела, управления и контроля над ним со стороны государства, функционировала в полном соответствии с целями ее создателей. И лишь с приходом к власти Н.С. Хрущева, в атмосфере наступившей социально-культурной оттепели, с исчезновением страха перед возможными репрессиями за любые критические высказывания в адрес высшего руководства, интеллектуальный потенциал профессионального сообщества нашел самовыражение в возникновении в стенах Союза неформальных форм самовыражения: стихийных диспутов, дискуссий, научных обсуждений проблем теории и методологии, и даже самодеятельных музыкально-сатирических ансамблей.

Примечания

¹ Просуществовавшее вплоть до 1930 г., когда оно на правах сектора вошло в МОВАНО – Московское отделение Всероссийского архитектурного научного общества

² В 1922 г. общество было возрождено как Петроградское общество архитекторов, а в 1924 г. переименовано в Ленинградское [2. С. 26].

³ Академия была учреждена 7 октября 1921 г. и состояла в ведении Художественного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР [2. С. 106].

⁴ РГАЛИ. Главное управление по делам художественной литературы и искусства НКП РСФСР (Главискусство). Секция изобразительных искусств. Характеристики и анкеты членов Общества художников «4 искусства». 2 апреля 1929 г. – 1930 г. – Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 475.

⁵ РГАЛИ. Главное Управление по делам художественной литературы и искусства НКП РСФСР (Главискусство). Секция изобразительных искусств. Уставы Всероссийской федерации советских художественных обществ, Ассоциации художников революционной России и др. обществ. 12 января – 26 июля 1930 г. – Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 450. Л. 41.

⁶ Ассоциация существовала с 1922 по 1928 г. под названием «Ассоциация Художников Революционной России при Российской Академии Художественных наук /А.Х.Р.Р./» [6. С.115]. Устав Ассоциации зарегистрирован 30 июля 1925 г. административным отделом Центрального Административного Управления НКВД за № 69 [4. Л. 33–40]. Под тем же названием она упоминается и в письме группы художников И.В. Сталину, датированном не позднее 3 февраля 1926 г. [4. С. 59–66].

⁷ Хотя устав объединения был составлен 10 декабря 1925 г., а первое общее собрание было созвано уже 19 декабря 1925 г., «рождение» конструктивизма следует датировать 18 марта 1921 г., когда состоялось первое собрание возникшей в ИНХУКе (Институт художественной культуры) группы конструктивистов в составе: А. Веснин, А. Ган, В. Иогансон, К. Медунецкий, А. Родченко, бр. В. и Г. Стенберги, В. Степанова. В 1931 г. основная группа ОСА в качестве коллективного члена вошла в новую организацию под названием Сектор архитекторов социалистического строительства (САСС) [2. С. 68].

⁸ РГАЛИ. Главное управление по делам художественной литературы и искусства НКП РСФСР. Секция изобразительных искусств. Сведения о составе Всероссийского Общества Пролетарских Архитекторов «ВОПРА» б.д. – Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 481.

⁹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. – 1930. – № 44. – Ст. 527.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. – 1930. – № 44. – Ст.128.

- ¹¹ АРУ вошло в МОВАНО 27 августа 1930 г. [2. С. 123]
- ¹² ВОПРА, как и другие объединения вошло в МОВАНО в 1930 г.
- ¹³ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Протоколы заседаний Президиума и Правления ССА с приложениями. 20 июля 1932 – 31 марта 1934 г. Стенограмма заседания Правления «Союза Советских архитекторов» от 20 июля 1932 г. – Ф. 674. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 145.
- ¹⁴ ОБ – Оргбюро ЦК ВКП(б) – высший орган принятия решений в сталинском руководстве страны. – М.М.
- ¹⁵ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Аксельрод А. Выступление на партийно-комсомольском собрании ССА 19 декабря 1934 г. Стенограмма – Ф.674. Оп.2. Ед. хр. 8. Л. 51. (Цит. по: [12]).
- ¹⁶ РГАЛИ. Союз архитекторов СССР. Стенограмма заседания партгруппы ССА о творческих задачах архитекторов перед Съездом. 7 декабря 1934. – Ф. 674. Оп.2. Ед. хр. 8. (Цит. по: [12]).
- ¹⁷ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Алабян К.С. Черновик докладной записки о состоянии проектных мастерских. август 1934] – Ф.674. Оп.2. Ед.хр. 2. (Цит. по: [12]).
- ¹⁸ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Нессис Н. Выступление на партийно-комсомольском собрании ССА, 19 декабря 1934. Стенограмма. Ф.674. Оп.2. Ед. хр.8. (Цит. по: [12]).
- ¹⁹ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Арбузов. Выступление на заседании партгруппы ССА 31 августа 1936 года. Стенограмма - Ф.674. Оп.8. Ед. хр.3. Л. 152-об. (Цит. по: [12]).
- ²⁰ РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Стенограмма заседания партгруппы ССА о подготовке к созыву съезда архитекторов. 9 февраля 1936 года. Ф.674. Оп.2. Ед.хр.18. Л. 14–14 об.
- ²¹ Все, за исключением В. Владимиров, – ученики А. Веснина.
- ²² РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Лисагор С.А. Дискуссия 13 февраля 1936 года. – Ф. 674. Оп. 2. Д. 12 (Цит. по: [12]).
- ²³ Если судить по лексике, характерным оборотам и фразеологии, можно предположить коллективное авторство с участием Алабяна, Мордвинова, Александрова (общая часть), Туркенидзе, Аксельрода и Нессиса (критика ВХУ-ТЕМАСа), возможно – Фридмана [12. С. 67]
- ²⁴ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Алабян К.С. Выступление на заседании партгруппы ССА о подготовке к созыву съезда архитекторов 9 февраля 1936 года. Стенограмма – Ф.674. Оп.2. Ед. хр.18. Л. 24. (Цит. по: [12]).
- ²⁵ «Квадригой Жолтовского» именовали Г. Гольца, М. Парусникова, С. Кожина, И. Соболева.
- ²⁶ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. 1917–1937 гг. Список секретных дел Союза советских архитекторов СССР, 1935 г. Стенограмма партгруппы Оргкомитета по обсуждению тезисов Охитовича М.А. 14 марта 1935 г. – Ф.674. Оп. 2. Л. 113.
- ²⁷ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. 1917–1937 гг. Список секретных дел Союза советских архитекторов СССР, 1935 г. Стенограмма партгруппы Оргкомитета по обсуждению тезисов Охитовича М.А. 14 марта 1935 г. – Ф.674. Оп. 2. Л. 185, 189, 207.
- ²⁸ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. 1917–1937 гг. Список секретных дел Союза советских архитекторов СССР, 1935 г. Стенограмма партгруппы Оргкомитета по обсуждению тезисов Охитовича М.А. 14 марта 1935 г. – Ф.674. Оп. 2. Л. 156–157 об.
- ²⁹ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. 1917–1937 гг. Список секретных дел Союза советских архитекторов СССР, 1935 г. Стенограмма партгруппы Оргкомитета по обсуждению тезисов Охитовича М.А. 14 марта 1935 г. – Ф.674. Оп. 2. Л. 158 об.

- ³⁰ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. 1917–1937 гг. Список секретных дел Союза советских архитекторов СССР, 1935 г. Стенограмма партгруппы Оргкомитета по обсуждению тезисов Охитовича М.А. 14 марта 1935 г. – Ф.674. Оп. 2. Л. 156–221.
- ³¹ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Мордвинов А.Г. Выступление на заседании партгруппы ССА 31 августа 1936 года: Стенограмма. – Ф.674. – оп.8. Ед. хр.3. – Л.152. (Цит. по: [12]).
- ³² РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Алабян К.С. Выступление на собрании партгруппы ССА 2 сентября 1936 года. Стенограмма. – Ф. 674. Оп.8. Ед. хр.3. Л. 171 об. (Цит. по: [12])
- ³³ РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Александров А.Я. Выступление на заседании партгруппы ССА 31 августа 1936 года. Стенограмма. – Ф. 674. Оп.8. Ед. хр.3. Л.148. (Цит. по: [12]).
- ³⁴ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. Алабян К.С. Стенограмма заседания партгруппы ССА 31 августа 1936 года. – Ф.674. Оп.8. Ед. хр.3. Л.126 – 126 об. (Цит. по: [12]).
- ³⁵ Н.П.Заплетин – заместитель Б.М. Иофана в планировочной мастерской № 2; С.Ф. Бабаев – заместитель Н.А. Ладовского в планировочной мастерской № 5.
- ³⁶ РГАЛИ. Союз советских архитекторов СССР. 1917–1937 гг. Список секретных дел Союза советских архитекторов СССР, 1935 г. Стенограмма партгруппы Оргкомитета по обсуждению тезисов Охитовича М.А. 14 марта 1935 г. – Ф.674. Оп. 2. Л. 34.
- ³⁷ Фамилия Желтовский была ошибочно записана в постановлении. Правильно – Жолтовский.
- ³⁸ http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=34&pod3_id=181_-_edn9
- ³⁹ РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Совместное заседание Оргкомитета Союза Советских архитекторов с представителями Союза скульпторов и Союза художников от 27 мая 1937 г. (Протокол № 2). 21 декабря 1936 г. – 29 мая 1937 г. – Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 60–61, 65.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Совместное заседание Оргкомитета Союза Советских архитекторов с представителями Союза скульпторов и Союза художников от 27 мая 1937 г. (Протокол № 2). 21 декабря 1936 г. – 29 мая 1937 г. – Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 60–61, 65
- ⁴¹ РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Протоколы Секретариата Оргкомитета ССА СССР № 1–16; 21 декабря 1936г. – 29 мая 1937 г. Заседание Секретариата Оргкомитета Союза Советских Архитекторов от 9 февраля 1937 г. (Протокол № 2). – Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 11.
- ⁴² РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Секретариат. Протоколы Президиума Правления ССА СССР. 26 июля 1937 г. – 12 декабря 1937 г. Положение об уполномоченных Союза Советских архитекторов. б.д. – Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 45–45-а1.
- ⁴³ РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Секретариат. Протоколы Президиума Правления ССА СССР. 26 июля 1937 г. – 12 декабря 1937 г.
- ⁴⁴ Положение об уполномоченных Союза Советских архитекторов. б.д. – Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 45.
- ⁴⁵ РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Секретариат. Протоколы Президиума Правления ССА СССР. 26 июля 1937 г. – 12 декабря 1937 г. Положение об уполномоченных Союза Советских архитекторов. б.д. – Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л.45.
- ⁴⁶ РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Секретариат. Протоколы Президиума Правления ССА СССР. 26 июля 1937 г. – 12 декабря 1937 г. Положение об уполномоченных Союза Советских архитекторов. б.д. – Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 45-а.

47 РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Секретариат. Протоколы Президиума Правления ССА СССР. 26 июля 1937 г. – 12 декабря 1937 г. Положение об уполномоченных Союза Советских архитекторов. б.д. – Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 45-а.

48 РГАЛИ. Союз Архитекторов СССР. Секретариат. Протоколы Президиума Правления ССА СССР. 26 июля 1937 г. – 12 декабря 1937 г. Положение об уполномоченных Союза Советских архитекторов. б.д. – Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 45-а.

Библиография

1. Меерович, М.Г. Типология жилища соцгородов-новостроек: монография / М.Г. Меерович. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 263 с.
2. Из истории советской архитектуры 1926 – 1931 гг.: Документы и материалы. Творческие объединения. – М.: Наука, 1970. – 212 с.
3. Кринский В. Возникновение и жизнь Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА) / В. Кринский // Советская архитектура. – 1969.– № 18. 224 с.
4. Современная архитектура. – 1928. – №3. – С. 73–74.
5. Коржихина, Т.П. Общественные организации в СССР: Материалы к источниковедению и историографии / Т.П. Коржихина. – М.: РГГУ, 1992. – 179 с.
6. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953. Под. ред. Акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999 – 872 с. – (Россия. XX век. Документы).
7. Меерович, М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924-1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты) / М.Г. Меерович. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – 272 с.
8. Троицкий, Н.А. Ты, мое столетие ... / Н.А. Троицкий. – М. : Русаки, 2006. – 496 с.
9. Советская архитектура. – 1932. – №5–6. – С. 11-13.
10. Гронский, И.М. Из прошлого ... Воспоминания / И.М. Гронский. – М.: Известия, 1991. – 368 с.
11. Хмельницкий, Д. Что такое «социалистический реализм» в архитектуре? / Д. Хмельницкий // Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne XX-XXI wieku. Polski Instytut Studiów nad Sztuką Świata & Wydawnictwo Tako. Tom II. – Warszawa–Toruń. – 2014. – S. 255–265.
12. Селиванова, А. Н. Творческие поиски в теории и практике Советской архитектуры 1930-х годов: дис. ... канд. архитектуры / А. Н. Селиванова. – М., 2009. – 252 с.
13. Архитектурная газета. – 1935. – № 66 (27 ноября).
14. Архитектурная газета. – 1936. – № 4 (76) (18 января).
15. Архитектурная газета. – 1935. – № 70 (17 декабря).
16. Архитектурная газета. – 1936 – № 6 (78) (28 января).
17. Архитектурная газета. – 1936. – №7 (79) (3 февраля).

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция — На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

Статья поступила в редакцию 05.04.2017

Meerovich Mark G.

DSc (History), DSc (Architecture),

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Civil Engineering,

Corresponding Member of the International Academy of Architecture.

Irkutsk State Technical University,

Irkutsk, Russia, e-mail: memark@inbox.ru

**THE UNION OF SOVIET ARCHITECTS OF THE USSR.
HISTORY OF CREATION AND THE INITIAL PERIOD**

The history of the Union of Soviet Architects of the USSR as it was called initially reflected the nature of the human manipulation system which was specially developed by the Soviet power within its command and control production management structure, including planning and architectural-design. The article describes in detail the legislative and political contexts in which creative groupings in architecture existed in the second half of the 1920s, reveals the reasons for the decision to establish the Union of Soviet Architects adopted by the country's leadership, lays bare the party's and government's «mechanics» of making and realizing such decisions, describes techniques for ensuring the submission of “non-party-member: architects to «Party member» architects, lists the functions of the «authorised» Union of Architects, its role in forcing architects to follow the policy pursued by the leadership, and presents the process of establishment of the Union of Architects as a state agency «creativity management”.

Key words: *Union of Soviet Architects of the USSR, creative groupings, charter of the creative organization, socialist realism, state regulation of professional activity, supervisory control over creativity*

References

1. Meerovich, M.G. (2014) Housing Typology in Newly Built Socialist Cities. Irkutsk: Irkutsk State University. (in Russian)
2. From the History of Soviet Architecture 1926 – 1931: Documents and Materials. Creative Associations. Moscow: Nauka, 1970. (in Russian)
3. Krinsky, V. (1969) The Emergence and Life of the Association of New Architects (ASNOVA). Sovetskaya Arkhitektura, No. 18. (in Russian)
4. Contemporary Architecture. (1928), No.3, p. 73–74. (in Russian)
5. Korzhikhina, T.P. (1992) Non-Governmental Organisations in the USSR: Materials for source studies and historiography. Moscow: RGGU. (in Russian)
6. Artizov, A., Naumov, O., Yakovlev, A.N. (ed.) The State Power and Art Intelligentsia. Documents of Central Committee of RKP(b) –VCHK – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917 – 1953. Moscow: MFD, 1999. (in Russian)
7. Meerovich, M.G. (2004) The Birth and Death of Housing Cooperation: the Housing Policy in the USSR. 1924-1937. Irkutsk: IrGtU. (in Russian)
8. Troitsky, N.A. (2006) You, My Century Moscow: Rusaki. (in Russian)
9. Sovetskaya Arkhitektura. (1932). No.5–6, p. 11-13. (in Russian)
10. Gronsky, I.M. (1991) From the Past Memoirs. Moscow: Izvestia. (in Russian)
11. Khmel'nitsky, D. (2014) What is «Socialist Realism» in Architecture? In: Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne XX-XXI wieku. Polski Instytut Studiów nad Sztuką Świata & Wydawnictwo Tako. Tom II. – Warszawa–Toruń. P. 255–265.

12. Selivanova, A. N. (2009) Creative Searches in the Theory and Practice of Soviet Architecture of the 1930s. PhD dissertation. Moscow. (in Russian)
13. Arkhitekturnaya Gazeta. (1935). No. 66 (November 27) (in Russian)
14. Arkhitekturnaya Gazeta. (1936). No. 4 (76) (January 18) (in Russian)
15. Arkhitekturnaya Gazeta. (1935). No. 70 (December 17) (in Russian)
16. Arkhitekturnaya Gazeta. (1936) No. 6 (78). (January 28) (in Russian)
17. Arkhitekturnaya Gazeta. (1936). No.7 (79) (February 3) (in Russian)